

Е.А. ДОЛГОВА

СЛУШАТЕЛИ ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ: РЕКРУТИРОВАНИЕ, АКАДЕМИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ, ТРУДОУСТРОЙСТВО

Аннотация. В статье исследуется попытка изменения принципа ротации научной и педагогической элиты после 1917 г. на примере сообщества слушателей и выпускников Института красной профессуры (ИКП, 1921–1938) — специального высшего учебного заведения ЦК ВКП (б) для подготовки высших идеологических кадров партии и преподавателей общественных наук в вузах. Характеризуя корпус слушателей и особенности его формирования, динамику и статистику их академического движения, специфику последующего трудоустройства выпускников, автор отвечает на поставленный им вопрос, оказался ли успешен Институт красной профессуры как педагогический проект. Статистический подход к изучению этих сюжетов позволяет охарактеризовать своего рода коэффициент полезного действия ИКП как одного из государственных проектов по обновлению научно-педагогической сферы. Исследование строится на материалах делопроизводства и статистики, выявленных в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ).

Ключевые слова: советские образовательные учреждения; высшая партийная школа; Институт красной профессуры (ИКП); ИКП истории; слушатели; квалификационные характеристики; социально-демографический состав; рекрутирование; академическое движение; трудоустройство.

Для цитирования: Долгова Е.А. Слушатели Института красной профессуры: рекрутирование, академическое движение, трудоустройство // Социологический журнал. 2020. Том 26. № 1. С. 124–140. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.1.7056

В 1920-е годы в советском научно-образовательном пространстве был реализован любопытный педагогический эксперимент — попытка изменения принципа ротации научной и педагогической элиты за счет привлечения тех кандидатов, которые не проходили привычные ступени академической аттестации (университет, магистерские экзамены, подготовка и защита магистерской, а позднее докторской диссертации), а некоторые — в силу своего социального происхождения, пола либо вероисповедания — до 1917 года и не могли претендовать на включение в статусную академическую иерархию. Вхождение их в научно-образовательное сообщество в 1920-е гг. оказалось возможным

Долгова Евгения Андреевна — кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет.

Адрес: 125267, Москва, Миусская пл., д. 6, к. 3, ауд. 601.

Телефон: +7 (905) 695-56-08. **Электронная почта:** medievalis@list.ru

в числе прочего благодаря принятому декрету об отмене ученых степеней и званий, формально обнулившему накопленные до революции преимущества и поставившему вопрос о критериях рекрутирования новой формации «профессоров».

Одним из первых учреждений, созданных для подготовки научной и педагогической элиты — в данном случае по общественно-экономическим дисциплинам (теоретической экономии, историческому материализму, развитию общественных форм, новейшей истории и советскому строительству), — стал Институт красной профессуры (1921–1938, далее ИКП, Институт). Хотя ИКП был лишь одним из новых, среди большого количества появившихся в 1920-е гг. «советских» образовательных учреждений (похожей на него была, например, Свердловка — Коммунистический университет им. Я.М. Свердлова), его судьба не оставалась без внимания историков и социологов, поскольку поставленные перед этим учреждением задачи отличались особой идеологической тенденциозностью. Судьба ИКП отражалась как в синхронных публикациях, так и в историографических работах, внимательных к самым разнообразным аспектам жизнедеятельности вуза, — инвестиционному и инфраструктурному обеспечению, истории отдельных учреждений ИКП, специфике образовательного процесса, профессорско-преподавательскому и студенческому составу [5].

Последний аспект раскрывался в историографии преимущественно на биографических материалах — слушателями и выпускниками Института красной профессуры в разное время являлись специалисты, оставившие яркий след в истории науки. Изучение судеб этих знаменитых выпускников, безусловно, важно. Однако, на наш взгляд, ответить на главный вопрос — оказался ли ИКП успешен как педагогический проект? — можно лишь статистически: охарактеризовав корпус слушателей и особенности его формирования, изучив динамику и статистику их академического движения; наконец, оценив специфику последующего трудоустройства выпускников. Изучение этих аспектов, на наш взгляд, позволит оценить коэффициент полезного действия ИКП как одного из государственных проектов по обновлению научно-педагогической сферы.

Где найти слушателя для Института красной профессуры: особенности и механизмы рекрутирования

Ключевой проблемой для Института красной профессуры на всем протяжении его работы был вопрос обеспечения ежегодных учебных наборов и формирования контингента слушателей. Эта задача, поставленная в условиях конкурентной борьбы многочисленных комвузов за потенциальных студентов в 1920-е гг. [3], обострилась в связи с расширением ИКП и его разделением на отраслевые институты в 1930-е гг. Ситуацию усугублял тот факт, что ИКП изначально выдвинул слишком высокие требования к соискателям — как учреждение, ускоренно

готовившее кадры для преподавания в высшей школе и последующей научной работы, Институт предполагал у поступавших наличие академической подготовки, а именно — теоретической (не ниже комвуза) и общеобразовательной (не ниже рабфака) базы.

Однако проблема заключалась даже не в том, чтобы найти некоторое количество образованных потенциальных слушателей, готовых к «ускоренной» переподготовке, а в том, чтобы увязать уровень их академической подготовки с нужными анкетными данными. Так, соискатель на момент подачи документов должен был иметь обязательный партстаж (на конец работы ИКП он был доведен до 10 лет, для рабочих допускался 8-летний), опыт организационной работы, положительные характеристики от местных парторганизаций; во внимание принималось его социальное происхождение и отдельные факты биографии. С момента превращения ИКП в учреждение «союзного значения» в 1927 г. появилось основание для зачисления туда представителей многочисленных национальностей, населявших окраины СССР¹. Затем был взят курс на «орабочивание» студенческого состава — на основании решения ЦК ВКП (б) от 15 октября 1932 г. устанавливалась квота: не менее 70% рабочих². Где и как можно было найти таких соискателей?

В условиях нехватки потенциальных слушателей руководство ИКП пыталось действовать методом «заманивания»: информация об учебном заведении распространялась в информационных изданиях для абитуриентов, его деятельность освещалась в периодической печати; поступавшим гарантировались финансовые и социальные льготы — заработная плата за обучение, путевое довольствие, право на проживание в общежитии с состоявшими на их иждивении членами семей. Подобные меры были оправданы: поступавшие в ИКП часто были зрелыми, семейными людьми. Однако на этом этапе соискателям не сообщали о реальном положении дел — например, о том, что с решением жилищного вопроса в ИКП были большие проблемы. Так, получить койко-место в общежитии Института вновь прибывшим было крайне трудно; добившиеся же этого места жили в тесных, переуплотненных помещениях, порой находящихся в аварийном состоянии³.

Были ли среди поступавших те, кто оказывался искренне увлечен идеей обучения в ИКП и решался на переезд даже в таких условиях? Да, безусловно, нам встречались трогательные по своей форме обращения. В духе коммунистической риторики лейтенант Некрасов из

¹ ГАРФ. Ф. Р-5824. Оп. 1. Д. 135. Л. 4; Ф. А-259. Оп. 116. Д 2900. Л. 1-1об.

² ГАРФ. Ф. Р-5143. Оп. 4. Д. 2. Л. 1.

³ В 1930 г. ЦК ВКП (б) издает директиву о приеме расширенного контингента слушателей, что ускорило строительство комплекса зданий, отведенных под общежитие, на Большой Пироговской улице.

Ленинграда в 1937 г. писал: «Товарищ директор! Убедительно прошу дать мне исчерпывающее объяснение по следующему вопросу. Как, когда, на каких условиях и могу ли я поступить в Институт красной профессуры? Я командир Красной Армии, но я более своей специальности интересуюсь вопросами философии и давно решил пожизненно работать в этой области»⁴. Однако таких слушателей с активной позицией были единицы, и конечно, они не могли закрыть остро стоящую каждый год проблему учебного набора.

В условиях властного запроса на функционирование «учреждения союзного значения» оказался задействован беспрецедентный механизм «мобилизации» на обучение в ИКП: запрос на необходимое количество потенциальных слушателей-«икапистов» спускался в низовые партийные организации, и подходящие кандидатуры откомандировывались с мест, порой с самых далеких окраин Советского Союза. Однако и этот, казалось бы, гарантирующий необходимое число слушателей метод не вполне оправдывал себя: дело в том, что подходящих под упоминавшиеся формальные критерии кандидатур для поступления в ИКП даже в условиях разнарядок обнаруживалось не так много. В делопроизводственной документации встречаются отказы местных парторганизаций на запросы о командировании кандидатов на обучение в ИКП с формулировкой: «...среди студентов-выпускников и аспирантов лиц с 8-летним партстажем нет, поэтому и выделить не можем»⁵. Следует учитывать и вполне понятные прагматичные мотивы: обкомы, как правило, старались не отпускать способных и талантливых людей, а откомандировывали тех, кто им не был нужен⁶.

Кандидатам на обучение в Институте красной профессуры недостаточно было просто принять решение (или подчиниться ему) о переезде в Москву и собрать необходимые документы и положительные характеристики от местных парторганизаций (что само по себе было долгим, бюрократически затянутым процессом). «Ситом» становились как заседания мандатной комиссии ИКП, анализирующей личные дела поступавших, так и вступительные испытания, принимавшиеся преподавателями ИКП (многие из них были профессорами «старой» школы) отнюдь не формально. Последним справедливо казалось, что права стать слушателями этого учебного заведения должны удостоиться лишь те, кто прошел высшую школу или как минимум освоил курс в «восемь тысяч листов» [8]. В реальности же ситуация обстояла несколько иначе — поступавшими были рекрутированные партийцы, едва выдерживающие вступительные экзамены и порой даже не желавшие на них приходить. Экзаменационные листы указанных лет

⁴ ГАРФ. Ф. Р-5143. Оп. 2. Д. 192. Л. 29.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-5146. Оп. 1. Д. 9. Л. 43.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 64. Д. 1799. Л. 1.

пестрят редкими отметками «хорошо» и «весьма удовлетворительно», в основном же — отметками «удовлетворительно»; самыми же частыми являются указания на неявку слушателя на экзамен⁷. Последнее обстоятельство можно было понять: требования к поступающим на первых порах усложнились. Если в 1922 г. от поступающих на философское отделение учебный план требовал знания «философских работ Энгельса, Плеханова, Деборина, Аксельрод или какого-нибудь “Введения в философию”, например Ерузалема или Вундта», то в 1926 г. на заседании предметной комиссии Подготовительного отделения ИКП уже рассматривалась просьба сократить этот список «ввиду того, что проработать всю указанную в программе литературу поступающие не могут»⁸.

В результате заседания мандатной комиссии и проведенных экзаменационных испытаний определенное число соискателей, пришедших на экзамен, оказывались зачислены в ИКП, — по воспоминаниям, порой молодые партийцы сами не понимали, как это произошло [1, с. 116–117]. Если же их количество было недостаточно, экстренно помогали переводы слушателей из других учебных заведений (так, в 1935 г. из числа студентов особых секторов Московского и Ленинградского Институты востоковедения было сформировано отделение истории Востока ИКП истории⁹). Эти студенты, конечно, обладали более высоким уровнем академической подготовки по сравнению с другими кандидатами. В итоге, каждый год слушателями Института красной профессуры становились разнородные соискатели — среди них были и глубоко мотивированные студенты, и мобилизованные на обучение партийцы, воспринимавшие обучение как тяжкую обязанность, и переведенные из других учебных заведений.

Слушатели в Институте красной профессуры: кадровый состав и академическое движение

В ходе статистического анализа социально-демографических характеристик корпуса слушателей и динамики их академического движения возникают трудности источниковедческого характера. В истории Института можно выделить два периода. За период функционирования единого ИКП (1921–1930) сохранилось агрегированное делопроизводство (списки и анкеты выпускников). От периода же существования десяти отраслевых, самостоятельных Институты красной профессуры (1931–1938) сохранилось много разрозненной документации, описывающей отдельные яркие сюжеты их истории, но единый комплекс синхронного, сводного делопроизводства отсутствует (не выявлен). В связи с этим ограничением качественный анализ

⁷ ГАРФ. Ф. Р-5143. Оп. 1. Д. 318.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-5205. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 12-14.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-5143. Оп. 4. Д. 2. Л. 20.

кадрового состава слушателей ИКП проведен лишь для 1920-х годов, однако он дополняется информацией поздних лет, выявленной в делопроизводстве одного из отраслевых ИКП — ИКП истории.

В период функционирования единого ИКП (1921—1930) состоялось семь выпусков. Сохранившиеся в ГАРФ списки выпускников фиксируют имена и фамилии 337 человек, а кроме того, включают сведения об их возрасте, национальности, социальном положении, уровне академической подготовки на момент поступления в ИКП, партстаже, избранной в ИКП специальности и последующем распределении на работу¹⁰. Структура записей максимально полная, списки велись аккуратно и почти не содержат лакун.

Распределение слушателей ИКП по годам выпуска и специальностям показано в таблице 1.

Таблица 1

Численность выпускников Института красной профессуры по отделениям: 1924—1930 гг.

Год выпуска	Общее количество выпускников ИКП	Отделения ИКП					
		экономическое	историческое	филологическое	естественное	правовое	литературное
1924	52	29	12	11			
1925	53	24	12	17			
1926	39	15	14	10			
1927	23	7	10	2	1	3	
1928	29	12	4	3	8	2	
1929	42	15	11	7	7	2	
1930	99	37	35	10	10	4	3
Итого	337	139	98	60	26	11	3

Источник: расчеты автора на основе: ГАРФ. Ф. Р-5284. Оп. 1. Д. 138.

Примечание: Отсутствие данных в некоторых ячейках означает, что в соответствующем году отделение не функционировало.

Данные таблицы 1 позволяют выявить динамику работы ИКП — например, самое большое число выпускников пришлось на 1925 г. (второй набор); в 1927—1929 гг., напротив, отмечался резкий спад их численности, связанный с неопределенностью положения Института красной профессуры в системе Наркомпроса, неустойчивостью его финансирования Главнаукой, проблемами инфраструктуры (обеспеченность общежитиями). Показатель возобновил свой рост в 1930 г., уже после того, как ИКП приобрел статус «учреждения союзного значения», и это совпало с разделением ИКП на отраслевые учреждения.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-5284. Оп. 1. Д. 138.

В таблице 1 показано и дисциплинарное распределение слушателей — количественно лидировали экономическое и историческое отделения. Напротив, немногочисленными, своего рода экспериментальными, были естественное, правовое и литературное отделения.

Гендерное и возрастное распределения выпускников ИКП в 1924–1930 гг. отражено в таблице 2.

Таблица 2

**Гендерное и возрастное распределения выпускников
Института красной профессуры: 1924–1930 гг.**

Год выпуска	Годы рождения выпускников ИКП					не установлен	Всего выпускников	Из них женщины
	1902–1904	1896–1901	1890–1895	1880–1889	1876–1880			
1924		27	21	1	2	1	52	5
1925	1	35	14	3			53	7
1926	2	21	9	1	2	4	39	1
1927	2	13	6	1		1	23	5
1928	4	16	7	1		1	29	1
1929	10	22	8	1		1	42	4
1930	14	41	19	6		19 ¹¹	99	12
Итого	33	175	84	14	4	27	337	35

Источник: расчеты автора на основе: ГАРФ. Ф. Р-5284. Оп. 1. Д. 138.

Доминирующей возрастной группой среди выпускников ИКП на всем протяжении 1920-х гг. были родившиеся в 1896–1901 гг. За ними следовала группа родившихся в 1890–1895 гг. Судя по спискам выпускников, среди них были и люди зрелого возраста — так, например, самому старшему из них, В.М. Познеру, на момент выпуска в 1926 г. исполнилось 49 лет¹². Напротив, крайняя молодость среди «икапистов» была скорее исключением. К концу 1920-х гг. наблюдается «взросление» слушателей — вероятно, вследствие увеличения требуемого партстажа.

Состав слушателей ИКП был преимущественно мужским. Женщины тут были в меньшинстве — за все годы их набралось 35 (наибольшее количество — 12 — было в расширенном выпуске 1930 г.). Несмотря на яркость отдельных имен¹³, женщины чаще оказывались в ИКП «случайно» — как, например, слушательница первого набора

¹¹ Сохранность документа.

¹² ГАРФ. Ф. Р-5284. Оп. 1. Д. 138. Л. 13.

¹³ В числе выпускниц были писательница П.С. Виноградская (1925), экономист Е.Л. Хмельницкая (1925), историки А.М. Панкратова (1925)

София Владимировна Шахновская, жена заместителя наркома Рабоче-крестьянской инспекции Т.С. Кривова: ее адресом в списках был указан Кремль, по окончании ИКП она была распределена на работу в Госплан.

Обратимся еще к одному любопытному индикатору — национальность (табл. 3). Его фиксация в списках выпускников — редкость для документации 1920-х гг.

Таблица 3

Национальный состав выпускников Института красной профессуры: 1924–1930 гг.

Год выпуска	Всего выпускников	Национальность выпускников ИКП				
		русские	евреи	национальные кадры (армяне, белорусы, грузины, зыряне, осетины, украинцы, татары, чувашаи)	иностранцы (болгары, венгерцы, индусы, латыши, монголы, немцы, поляки, румыны, эстонцы, чехи)	не установлено
1924	52	18	26	2	4	2
1925	53	19	29	3	2	
1926	39	21	10	1	3	4
1927	23	11	10	2		
1928	29	12	8	4	5	
1929	42	23	12	2	5	
1930	99	48	31	14	6	
Итого	337	152	126	28	25	6

Источник: расчеты автора на основе: ГАРФ. Ф. Р-5284. Оп. 1. Д. 138.

В национальном составе выпускников ИКП доминировали две равновеликие группы — русские и евреи (табл. 3). Мощный приток евреев в высшее образование после революции, совпавший с их переездом в столичный регион в 1920-е гг., безусловно, носил компенсаторный характер. Современниками это воспринималось по-разному. Так, пренебрежительный антисемитизм в отношении «икапистов» встречается в воспоминаниях историка Ю.В. Готье [2, с. 480]. Другими группами стали представители национальных республик СССР и иностранцы. Число первых возросло к концу 1920-х гг. и совпало с приобретением ИКП статуса «учреждения союзного значения». Число последних предположительно из года в год квотировалось.

Институт красной профессуры должен был функционировать как высшая партийная школа, в которой уже имевшиеся у поступивших

и Э.Б. Генкина (1930), писательница Е.Я. Драбкина (1927), философ и математик С.А. Яновская (1929).

знания отшлифовывались методологией марксизма. Однако мог ли этот замысел быть реализован? Мы логично задали вопрос об уровне академической подготовки слушателей на момент поступления в ИКП. Однако ответить на него оказалось затруднительно. Дело в том, что для выпусков 1924–1928 гг. в списках зафиксирован уровень образования («ниже среднего», «среднее», «неоконченное высшее», «комвуз» и «высшее») без упоминания конкретных учебных заведений; для выпусков же 1929–1930 гг. указаны названия учебных заведений, дипломы которых слушатели прилагали к документам. Отсутствие единого принципа организации информации препятствует подсчетам, но позволяет сделать некоторые наблюдения.

Списки выпускников ИКП показывают крайне разнородный уровень академической подготовки слушателей в 1920-е гг. Слушатели экстерном оканчивали начальное образование, обучались в приходских школах или же были выпускниками гимназий; у некоторых в образовательном запасе были лишь курсы марксизма-ленинизма, а кто-то в прошлом был выпускником университета — например, Лейпцигского или Санкт-Петербургского Политехнического. Отметим, что хотя лиц с дипломом о высшем образовании было не так много, основная группа слушателей все-таки имели опыт обучения в высших учебных заведениях или окончили комвузы. Противовесом им выступала группа слушателей, имевших образование ниже среднего. Безусловно, такая полифония препятствовала образовательному процессу и, вероятно, обуславливала весьма специфичный диалог лекторов со студенческой аудиторией ИКП. Количество студентов с начальным образованием увеличилось в выпусках 1929–1930-х гг. Мы выдвинули гипотезу о корреляции этого индикатора с другими характеристиками — а именно с социальным происхождением (табл. 4).

Таблица 4

Социальное положение выпускников ИКП: 1924–1930 гг.

Год выпуска	Социальное положение выпускников ИКП					не указано
	рабочие	крестьяне	интеллигенция	служащие	учащиеся	
1924	1	1	49	1		
1925	7	1	23	22		
1926	2	3	24	6		4
1927	1		4	18		
1928	3		9	17		
1929	5	3		25	8	
1930	26	5		52	15	1
Итого	45	13	110	141	23	5

Источник: расчеты автора на основе: ГАРФ. Ф. Р-5284. Оп. 1. Д. 138.

Отметим, что в таблице 4 в соответствии с делопроизводственными формулировками показано не «социальное происхождение», а «социальное положение» выпускников ИКП. Однако даже с применением такой осторожной формулировки значительная часть их отнесена к размытым категориям «интеллигенция» и «служащие». Именно они составляли большинство слушателей, которые смогли доучиться до выпуска, и, на наш взгляд, и были той наиболее подготовленной в академическом отношении группой. При этом в выпусках 1929–1930 гг. наблюдается увеличение удельного веса крестьян и рабочих. Это соотносится с уже отмеченным снижением квалификационных (образовательных) характеристик наборов в указанные годы. Думается, именно этим критерием — квалификацией — жертвовали ради количественных показателей: не только для того, чтобы набрать нужную квоту «социально благонадежных», но и ради нужного числа лиц с необходимым партстажем.

Если с требованием необходимого партстажа для поступающих руководство ИКП справилось еще в 1920-е гг.¹⁴, то вопрос о нужном социальном контингенте слушателей остро стоял даже в 1930-е гг. В нашем распоряжении оказалась синхронная статистика, выявленная в делопроизводственной документации одного из отраслевых ИКП — ИКП истории. С 1931 по 1937 г. в Институт было принято 408 человек. Данные по их социальному составу и академической подготовке агрегированы в таблицах 5–6.

Таблица 5

Социальное происхождение слушателей ИКП истории: 1931–1937 гг.

Учебный год	Всего слушателей	Социальное происхождение слушателей			
		рабочие	крестьяне	служащие	прочие
1931	86	27	6	53	
1931–1932	128	77	5	46	
1932–1933	22	11	2	9	
1933–1934	6	2		4	
1934–1935	34	11	15	6	2
1935–1936	68	24	15	29	
1936–1937	64	22	9	33	
Итого	408	174	52	180	2

Источник: расчеты автора на основе: ГАРФ. Ф. Р-5143. Оп. 4. Д. 2. Л. 4–5.

¹⁴ Отметим, что в 1936 г. в письме председателя «Комитета по заведованию учебными и учебными учреждениями» об улучшении работы ИКП отмечалось: несколько директоров ИКП поставили вопрос об отмене требования обязательного партстажа и настояли на своем праве отчислять неуспевающих икапистов из институтов (прежде отчисления за академическую неуспеваемость согласовывались с Оргбюро ЦК ВКП (б)). ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 64. Д. 1799.

Согласно расчетам, наибольшее число поступивших в ИКП истории составляли служащие — 44,1%, а наименьшее — крестьяне — 12,7%. Рабочих из общего состава всех принятых было 42,4%. В 1931–1932 гг. доля рабочих увеличилась до 60,1%. Хотя основная установка ЦК ВКП (б) на привлечение в ИКП не менее 70% рабочих выполнена не была, руководству удалось добиться довольно высоких показателей — общий удельный вес «социально благонадежных» слушателей составлял 55,4%. Проверим, как эти цифры соотносились с уровнем их академической подготовки на момент поступления (табл. 6).

Таблица 6

Академическая подготовка слушателей ИКП истории на момент поступления: 1931–1937 гг.

Учебный год	Всего слушателей	Образование слушателей		
		высшее (вуз)	среднее (общее)	комвуз
1931	86	–	22	64
1931–1932	128	–	67	61
1932–1933	22	–	4	18
1933–1934	6	–	1	5
1934–1935	34	8	4	22
1935–1936	70	15	–	55
1936–1937	62	22	–	40
Итого	408	45	98	265

Источник: ГАРФ. Ф. Р-5143. Оп. 4. Д. 2. Л. 4.

Приведенные в таблице 6 данные показывают, что большая часть обучавшихся в ИКП истории состояла из лиц, получивших образование в комвузе. Лишь в последние три года число слушателей, имеющих вузовское образование, составляло 27,1% от общего числа принятых. Лиц, имеющих среднее образование, было принято 38,4%. Для 1930-х гг. это хорошие показатели, и они соотносятся, на наш взгляд, с общим ростом образованности в те годы. Однако мы должны отметить, что знания слушателей, полученные «кавалерийской атакой» в комвузе, не были специальными и порой носили фрагментарный характер. Косвенно об этом позволяет судить любопытный источник — лекционный конспект слушателя ИКП истории Сергея Никифоровича Круглова за 1935–1936 учебный год¹⁵. Анализируя содержание конспекта, мы можем отметить, что записанные им лекции максимально фактографичны и описательны, в них почти нет методологической «шлифовки» знаний. При невысокой (во всяком случае,

¹⁵ ГАРФ. Ф. 10146. Оп. 1. Д. 5. На 206 листах.

узкопрофессиональной) подготовке слушателей преподаватели ставили цель в короткое время закрыть лакуны в знаниях «красных профессоров», экстренно овладевающих профессией историка. Отметим, что автор конспекта вовсе не был нерадивым студентом: он аккуратно посещал занятия, тщательно записывал лекции профессоров, хотя, вероятно, в силу обрывочности образования не вполне мог понимать какие-то детали.

Однако многие ли из обучавшихся были похожи на С.Н. Круглова и успешно заканчивали курс ИКП? Обратимся к динамике академического движения слушателей, проследив статистику отчислений, переводов и успешного выпуска на примере статистики ИКП истории за указанные годы (табл. 7). Всего за период с 1931 по 1937 г. институт окончили всего 112 человек. По отдельным годам выпускники распределялись следующим образом:

Таблица 7

Распределение окончивших ИКП истории по годам: 1931–1937 гг.

Учебный год	Окончивших ИКП (чел.)
1931	28
1931–1932	31
1932–1933	17
1933–1934	11
1934–1935	9
1935–1936	3
1936–1937	13
Итого	112

Источник: ГАРФ. Ф. Р-5143. Оп. 4. Д. 2. Л. 6.

Таким образом, крайне малая доля слушателей окончили институт. Она составляла 35% от числа принятых — то есть всего около трети всех поступивших окончили отраслевой ИКП. Остальные две трети выбыли из Института по разным причинам — 259 человек за период с 1931 по 1937 г. Из них за неуспеваемость были исключены 42 человека (16,2%), столько же были отчислены «по другим причинам» (из них 16 — по политическим), 52 человека перевелись в другие ИКП (20%). Большая же часть слушателей — 123 человека (47,5%) — выбыли «по досрочной мобилизации ЦК на практическую работу»¹⁶.

Как видим, доминирующей причиной отчисления даже академически успешных слушателей были административные перемещения. Трудовые мобилизации учащихся, их чрезвычайные переводы на пар-тработу были частым явлением, нарушающим учебный процесс: так,

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-5143. Оп. 4. Д. 2. Л. 6.

одна из таких кампаний, например, почти поставила под угрозу выпуск 1933 г. Об этом же свидетельствуют и воспоминания. Профессор ИКП истории С.А. Пионтковский писал: «И вот для того, чтобы подобрать головку МТС, из Москвы снимают людей с самой ответственной работы. <...> Из Института взято огромное количество, даже из наших историков из 200 чел. — уже человек 40 отправлено. Отправили действительно самых лучших, крепких, хороших партийцев-рабочих. У меня взят весь семинар. Люди два месяца пробыли сейчас в научной командировке, собрали материал, привезли исключительной ценности документы, которых до сих пор никто не трогал и не поднимал. И вместо того, чтобы писать и заканчивать начатую работу, — они должны превратиться в агрономов, аграрников, политработников. <...> То, что осталось у меня в семинаре, для научной исследовательской работы не годится: это или истеричные женщины, или бездари» [7, с. 487–488]. Нельзя не отметить тот факт, что в своем стремлении в короткое время выковать новую научную и педагогическую элиту система противоречила сама себе, не окупая ни средств, ни педагогического усердия, затраченных на обучение молодых партийцев.

Выпускник Института красной профессуры и возможности его трудоустройства

Обратимся к еще одному аспекту проблемы — нам показалось интересным уточнить, как распределялись на работу слушатели, успешно окончившие ИКП. По мысли учредителей, кадры «красных профессоров» должны были обновить педагогический состав вузов и научных учреждений СССР в исследовательском поле общественно-экономических дисциплин. Однако удалось ли достичь этой цели? Какое количество выпускников ИКП стали работниками высшей школы и научных учреждений?

В докладной записке второго ректора ИКП П.Ф. Юдина отмечалось: «По очень неточным сведениям, имеющимся в Институте, большинство окончивших Институт работают на педагогической работе»¹⁷. Это было не вполне так. Хотя в списках ИКП очень часто указаны лишь города, в которые были распределены на работу выпускники (Ленинград, Харьков, Свердловск, Саратов, Иркутск), но встречаются и указания мест работы — например, журналы «Культура и революция», «Безбожник», издательства, а по большей части — различные административные и партийные учреждения¹⁸. Списки фиксируют две тенденции: во-первых, дисперсию, рассеивание кадров в региональном отношении, а во-вторых — их нецелевое использование.

В документе 1936 г. отмечалось, что «значительный процент оканчивающих ИКП идет не по прямому назначению, а используется на

¹⁷ Архив РАН. Ф. 1636. Оп. 1. Д. 177. Л. 9.

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-5284. Оп. 1. Д. 138.

всяких административного характера должностях»¹⁹. Десятилетием ранее на это сетовал и М.Н. Покровский: «...конечно, никто не может мешать тому, чтобы такой-то товарищ поехал заведывать культпропом в какой-нибудь город... но это еще не значит, что он должен бросить заниматься научной работой... нельзя же допустить того, чтобы мы на человека истратили чертовскую пропасть денег, а потом оказывается, что это совсем не нужно, и у нас получается вроде как в крыловской басне, что научили львенка вить гнезда» [цит. по: 9, с. 248]. Таким образом, в этом отношении Институт красной профессуры не вполне выполнял поставленную перед ним цель — в основном выпускники не оставались на научной и педагогической работе. Исключением было привлечение их к преподавательской работе в самом ИКП: на 1937 г. бывшие слушатели составляли 32,5% преподавательского корпуса. При этом их статусные позиции были однозначно высокими: практиковалось назначение выпускников ИКП на руководящие административные посты; из 92 профессоров, работавших в ИКП в 1937 г., 47 были его выпускниками и получили звание «красного профессора» автоматически.

Ситуация с трудоустройством «красных профессоров» в высшую школу осложнилась в 1934 г. в связи с постановлением о возврате к ученым степеням и званиям, и особенно в 1936 г. — в связи с запретом занимать должности доцента и профессора без защиты диссертации²⁰. С этого момента правовое положение «икапистов» оказалось крайне неопределенным: по окончании ИКП они не получали ученой степени и поэтому, согласно законодательству, не могли быть утверждены в качестве доцентов или профессоров. Хотя в 1935 г. части выпускников ИКП было присвоена степень кандидата наук «без защиты диссертации» [4], ситуацию с трудоустройством это коренным образом не изменило. В письме к П.Ф. Юдину выпускника ИКП философии П. Рубинчика от 13 ноября 1937 г. отмечалось: «Мне нет нужды объяснять вам, какие мучительные переживания я испытываю, когда на протяжении пяти месяцев после окончания учебы хожу без всякого дела и предоставлен только самому себе. Я был в Минске, мне даже в адресном столе отказали в прописке на том основании, что у меня нет никакого направления. Я прошу вас дать мне хоть какую-то работу. <...> Вы убедитесь, что на меня как на члена Партии государство недаром затратило столько средств и сил, чтобы обучать меня три года в ИКП»²¹. На наш взгляд, это письмо яркое: оно иллюстрирует те проблемы, с которыми ИКП подошел к концу своей работы.

Безусловно, мы не можем обойти вниманием и еще одну причину ограничения включения «икапистов» в научный и педагогический кор-

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 64. Д. 1799. Л. 1.

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 64. Д. 1799. Л. 1об.

²¹ Архив РАН. Ф. 1636. Оп. 1. Д. 176. Л. 1.

пус. В докладной записке П.Ф. Юдина, характеризующей статистику выпуска из ИКП философии за 1931–1937 гг., отмечалось: «Если взять по выпускам, начиная с выпуска 1931 г. (прием 1928 г.), то получится следующая картина: в 1931 г. выпущено 12 человек, из них впоследствии исключено из партии и арестовано — 3 человека; выпуск 1932 г. (прием 1929 г.) — 22 человека, из них впоследствии исключено из партии и арестовано 6 человек; выпуск 1933 г. (прием 1930 г.) выпущено 30 человек, из них впоследствии исключено из партии и арестовано 10 человек; выпуск 1934 г. (прием 1931 г.) — 21 человек, из них исключено из партии и арестовано 4 человека; выпуск 1935 (прием 1932 г.) — 7 человек, из них один человек исключен из партии; выпуск 1936 г. (прием 1933 г.) — 7 человек, все на работе; выпуск 1937 г. (прием 1934 г.) — 15 человек, все на работе (только одного недавно исключила из партии низовая парторганизация)»²². По замечанию С.Н. Корсакова, «в 1937 г. сама принадлежность к “контрреволюционной троцкистской группе Стэна, Карева и других” служила достаточным основанием для репрессирования» [6, с. 125]. По подсчетам ученого, было репрессировано полтора десятка философов, входивших в так называемую «шабалкинскую группу». Это были преподаватели и слушатели Института красной профессуры философии, коллективно выступившие в 1931–1932 гг. против монополии группы Митина — Юдина в философии. Именно эти имена стояли за сухими цифрами цитируемого выше отчета П.Ф. Юдина. Отметим, что эти цифры — лишь по одному из отраслевых ИКП. Репрессии против выпускников и преподавателей Института красной профессуры стали составной частью общей репрессивной политики 1930-х гг.

Проблемы, стоявшие к концу 1930-х гг. перед ИКП, были настолько очевидны, что возникла тенденция к его реформированию. Так, в уже упоминавшемся нами письме председателя «Комитета по заведованию учеными и учебными учреждениями» об улучшении работы ИКП (1936 г.) отмечалась дороговизна ИКП («десять тысяч в год стоит один слушатель ИКП»²³), выдвигались предложения об отмене обязательного партстажа для слушателей, об изменении принципов рекрутирования, обосновывалась обязательность диссертационных защит по окончании ИКП²⁴. Однако эти предложения уже не были реализованы — 1 января 1938 г. система Институты красной профессуры была ликвидирована.

Таким образом, отвечая на вопрос, был ли успешен ИКП как педагогический проект, мы должны отметить следующее. Его выпускникам не удалось обновить корпус преподавательской и научной элиты, хотя такая задача и была поставлена при его создании. Формирование корпуса слушателей изначально было затруднено трудновыполнимыми в условиях

²² Архив РАН. Ф. 1636. Оп. 1. Д. 177. Л. 9.

²³ ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 64. Д. 1799. Л. 8.

²⁴ ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 64. Д. 1799. Л. 1–2.

1920-х гг. требованиями (например, срок партстажа); метод «вербовки» при этом не обеспечивал ИКП высокими в квалификационном отношении кадрами. Картина академического движения слушателей, которые были относительно однородны в политическом (партийном) и, в меньшей степени, социальном и образовательном отношении, демонстрировала резкую «вилку» между количеством поступивших и количеством выпускников. В силу частых мобилизаций, переводов, академической неуспеваемости до выпуска доходили треть зачисленных, но и те дисперсивно рассеивались после распределения, в частых административных перемещениях 1930-х, а с 1934 г. часть из них и вовсе оказались лишены права на преподавание в высшей школе. Институт красной профессуры имел низкий коэффициент полезного действия: как показывает статистика выпусков, по факту, в количественном отношении он функционировал практически вхолостую. Вопрос же о качественных характеристиках образования может быть поставлен лишь применительно к отдельным ярким выпускникам ИКП — начав свой творческий путь как экзотические «красные профессора», они доказали свою компетентность и после возврата к привычной системе научных степеней и ученых званий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авторханов А.В.* Мемуары. Frankfurt/Main: Посев, 1983. — 763 с.
2. *Готье Ю.В.* Мои заметки. М.: Терра, 1997. — 591 с.
3. *Груздинская В.С., Метель О.В.* Институт красной профессуры: проблемы институционального строительства (1921–1923) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 82–87. DOI: 10.17223/15617793/426/9
4. *Козлова Л.А.* «Без защиты диссертации...»: статусная организация общественных наук в СССР, 1933–1935 годы // Социологический журнал. 2001. № 2. С. 145–158.
5. *Козлова Л.А.* Институт красной профессуры (1921–1938): историографический очерк // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 96–112.
6. *Корсаков С.Н.* Политические репрессии в Институте философии (1930–1940-е годы) // Философский журнал. 2012. № 1. С. 120–170.
7. *Пионтковский С.А.* Дневник (1927–1934). Казань: КГУ, 2009. — 516 с.
8. *Покровский М.Н.* Речь на десятилетии Института красной профессуры // Борьба классов. 1932. № 1. С. 96–112.
9. XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.-Л.: ГИЗ, 1930. — 782 с.

Дата поступления: 09.01.2019.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2020.

Vol. 26. No. 1. P. 124–140. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.1.7056

E.A. DOLGOVA

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation.

Evgeniya A. Dolgova — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Russian State University for the Humanities.

Address: bl. 3, 6, Miuskaya pl., 125267, Moscow, Russian Federation.

Phone: +7 (905) 695-56-08. **Email:** medievalis@list.ru

THE STUDENTS OF THE RED PROFESSORATE INSTITUTE: RECRUITMENT, ACADEMIC MOVEMENT, EMPLOYMENT

Abstract. The article investigates an attempt to change the principle of rotation of the scientific and pedagogical elite after 1917 based on the example of the community of students and graduates of the Red Professorate Institute (1921–1938). It was a special higher educational institution where higher ideological cadres of the party and teachers of social sciences for universities received their training. Describing the students and their characteristics, the dynamics and statistics of their academic movement, the specifics of the subsequent employment of graduates, the author raises and answers the question — was the Red Professorate Institute successful as a pedagogical project? A statistical approach to studying it allows for characterizing the Institute as one of the state projects to update the scientific and pedagogical field. The study is based on statistics uncovered at the State Archive of the Russian Federation.

Keywords: Soviet educational institutions; Higher Party School; the Red Professorate Institute (RPI); RPI of History; students; qualification characteristics; socio-demographic features; recruitment; academic movement; employment.

For citation: Dolgova E.A. The Students of the Red Professorate Institute: Recruitment, Academic Movement, Employment. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2020. Vol. 26. No. 1. P. 124–140. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.1.7056

REFERENCES

1. Avtorkhanov A.V. *Memuary*. [Memoirs.] Frankfurt/Main: Posev publ., 1983. 763 p. (In Russ.)
2. Got'e Yu.V. *Moi zametki*. [My notes.] Moscow: Terra publ., 1997. 591 p. (In Russ.)
3. Gruzinskaya V.S., Metel' O.V. Institute of red professorship: problems of institution building, 1921–1923. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2018. No. 426. P. 82–87. (In Russ.) DOI: 10.17223/15617793/426/9
4. Kozlova L.A. “Without taking the dissertation...”: The status organization of social sciences in Russia, 1933–1935. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2001. No. 2. P. 145–158. (In Russ.)
5. Kozlova L.A. The Red Professorate Institute (1921–1938): A Historiographical Sketch. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 1994. No. 1. P. 96–112. (In Russ.)
6. Korsakov S.N. Political repressions at the Institute of philosophy (1930–1940s). *Filosofskii zhurnal*. 2012. No. 1. P. 120–170. (In Russ.)
7. Piontkovskii S.A. *Dnevnik (1927–1934)*. [Diary (1927–1934).] Kazan': KGU publ., 2009. 516 p. (In Russ.)
8. Pokrovskii M.N. Speech at the decade of the Red Professorate Institute. *Bor'ba klassov*. 1932. No. 1. P. 96–112. (In Russ.)
9. *XVI s'ezd Vsesoyuznoi kommunisticheskoi partii (b). Stenograficheskii otchet*. [XVI Congress of the All-Union Communist Party of Bolsheviks. Verbatim report.] Moscow-Leningrad: GIZ publ., 1930. 782 p. (In Russ.)

Received: 09.01.2019.